

P. S. WELLS. Culture contact and culture change. Early Iron Age Central Europe and the Mediterranean world. London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1980, 171 p., ill.

Изучение культурных контактов, взаимоотношений и связанных с ними культурных изменений в древних обществах занимает важное место в общей системе археологической науки. Для отечественной античной археологии проблемы взаимоотношений греческой культуры с культурами местного населения Северного Причерноморья давно стали центральными, и успехи в их разработке хорошо известны. Рецензируемая книга, трактующая аналогичные вопросы на материалах Западной Европы рубежа двух эпох железного века (поздний гальштат — ранний латен), представляет большой интерес для советских специалистов.

На наш взгляд, этот интерес обусловлен не только возможностью ознакомиться с археологическими материалами и их трактовками в западной литературе. П. С. Веллс отнюдь не ограничивается систематическим перечислением вещественных находок, групп памятников и т. п., но стремится к обобщениям, построению моделей культурных взаимоотношений, выходу на теоретический уровень для объяснения данных археологии. Аспекты взаимодействия двух миров, интересующие автора книги, различны, многогранны, злободневны в строгом научном смысле. К примеру, в греко-варварской торговле его внимание обращено к следующим вопросам: какие социальные слои туземного населения получали импортируемые из Средиземноморья товары; какие виды товаров вовлекались в обмен; были ли они обычной массовой продукцией или же специально изготовленными предметами; концентрировались ли импорты в определенных местах или бессистемно распылялись на широких площадях; имитировались ли ввозимые изделия местными мастерами и т. д. Думается, что вопросы, сформулированные П. С. Веллсом, могут привлечь внимание не только археологов-антиковедов. Они характерны для современного подхода к изучению обмена и торговли в древности вообще.

П. С. Веллс с большим вниманием относится к последним разработкам в области культурологии, социологии, сравнительной этнографии, дающим возможность, как он считает, выявить устойчивый характер повторения схожих явлений в процессе культурных взаимодействий различных этносов. По мнению автора, данные этих наук в приложении к археологическому материалу позволяют построить модель контактов двух обществ в древности, другими словами, уловить основные структурообразующие их элементы.

В археологическом выражении взаимодействия античного мира с племенами Центральной Европы наиболее рельефно выступают в наличии античных импортов на варварских территориях. Для времени позднего гальштата они сосредоточены прежде всего в области Вюртемберга, для раннего латена — в более северном Сааре. Поэтому обращение П. С. Веллса именно к этим областям с привлечением данных из других районов представляется полностью оправданным. Подчеркнем, что рецензируемая монография построена чрезвычайно четко, логично, снабжена немногочисленными, но выразительными иллюстрациями и наглядными, «говорящими» таблицами. Из шести глав первая носит сугубо теоретический характер, далее для каждого из хронологических отрезков последовательно излагаются археологические материалы, дается их интерпретация, строится модель взаимодействия, а затем модели сравниваются.

Важнейшими чертами эпохи позднего гальштата в Западной Европе П. С. Веллс считает наличие среди поселений крупных центров (Хойнебург, Мон Лассо и др.) и непосредственно связанных с ними богатых погребений варварской аристократии. Последние намного превосходят по пышности обряда и богатству инвентаря как современные им рядовые погребения, так и богатые погребения более раннего времени. Среди них отметим курганы Виск и Графенбюль. Именно в центрах и погребениях местных вождей сосредоточено основное количество средиземноморских импортов. Но античное влияние прослеживается автором не только на основании привозных предметов. Оно проявляется в имитации античных изделий местными мастерами, а также в распространении античных технических знаний. В составе импорта представлена продукция греческих керамических мастерских, греческие и этруссские

бронзовые сосуды и т. д. Количество их в общем невелико. Скажем, на поселении Хойнебург, для области Вюртемберга исследованном в лучшей степени, обнаружено 50 фрагментов аттических чернофигурных сосудов и обломки 15 остродонных амфор. Даже учитывая оговорки автора о том, что вино в столь отдаленные районы могло доставляться в бурдюках или бочонках, а не в амфорах и что керамика в античном мире вообще никогда не являлась важным предметом торговли по сравнению с хлебом или металлом, приведенные цифры следует признать весьма незначительными.

В отношении последней оговорки отметим, что точка зрения П. С. Веллса вполне допустима. Однако даже если роль керамики в общем торговом балансе была незначительной, то для изучения процесса торговли роль ее неоспорима. Обилие привозной керамики в любом археологическом контексте, даже если она вовлекалась в обмен как неосновной или побочный продукт, с полной очевидностью свидетельствует об активных торговых контактах каких-либо двух обществ. В позднегалльстатской Центральной Европе подобного нет.

Большое значение имело введение гончарного круга, что П. С. Веллс резонно связывает с греческим влиянием. Интересными образцами этого влияния являются форма для изготовления скульптурок, явно сделанная как слепок с рельефного украшения этрусского бронзового сосуда (головка из Хойнебурга), а также единственный для своего времени образец круглой скульптуры (каменная фигура в полный рост из Хиршландена). Наконец, отметим ни с чем не сравнимый по своей значимости факт возведения на поселении Хойнебург оборонительной стены по всем правилам греческого фортификационного искусства. Стена сложена на каменном цоколе из сырцового кирпича. Очень показательно, что и до этого времени, и после него на городище возводились традиционные кельтские оборонительные сооружения в виде деревоземляных конструкций.

В связи с изложенными фактами автор ставит ряд интересных вопросов. Почему туземцы восприняли от греков каменную скульптуру, а не металлическое литье, метод возведения сырцового оборонительной стены, а не каменную архитектуру? Почему отсутствуют монеты Массилии? Если на последний вопрос можно ответить ссылками на натуральный характер обмена, то в отношении первых приходится согласиться с П. С. Веллсом, который отмечает, что названные культурные элементы проникали в туземный мир не случайно, но в результате в высшей степени избирательного процесса, природа которого нам пока не ясна.

Основным источником проникновения античных импортов (в том числе и этрусских бронз) и влияний в Центральную Европу для данного времени автор признает Массилию. Эта греческая колония, не имеющая собственных плодородных земель, осуществляла активную торговлю с туземным населением, используя свое выгодное географическое положение — близость водных артерий, ведущих в глубь материка.

Учитывая имеющиеся археологические данные — наличие поселений типа центров, богатых погребений вождей, а также лидеров более низкого ранга, П. С. Веллс строит модель контакта греческого мира с туземными обществами. Эта модель представляется ему строго упорядоченной, иерархичной, жестко регламентированной. Особая роль в процессе взаимоотношений уделяется вождям, занимавшим центральное положение во всей экономической системе доисторических обществ, — главным представителям при контактах с иностранцами. Автор особо отмечает, что «...процветающая межобщинная торговля может существовать между членами элиты общин без какого-либо заметного участия основной части населения во взаимодействиях или их результатах» (с. 8). В этом высказывании, конечно, есть свой резон. Вполне допустимо, что позднегалльстатские вожди получали все импортируемые средиземноморские товары, распределяя их среди лидеров более низкого ранга, а от тех эти товары могли получать рядовые члены общества.

Сосредоточивая в своих руках все нити контактов с греческими купцами, вожди использовали некоторые из получаемых ими изделий античного ремесла для дальнейшего усиления своей главенствующей роли. Особо престижными считались бронзовые треножники, большие бронзовые сосуды (вспомним знаменитый кратер из Вика) и продукция греческих ювелиров. В античных центрах подобные изделия не обнаружены, они создавались специально для туземных владык и их, как справедливо считает П. С. Веллс, нельзя считать товарами, так как все они приносились греческими

купцами в дар местным вождям. Эти «политические дары» были важным регулятором в механизме греко-варварских взаимоотношений, и варварские вожди, стремясь получить их, создавали наибольшие возможности для получения продукции, в которой были заинтересованы греки. Последние при торговых контактах с Центральной Европой нуждались в различной сельскохозяйственной продукции (приводится обширный перечень продуктов земледелия и скотоводства, а также и даров леса: от древесины до меда и смол). В обмен на них поставлялись греческие товары, среди которых особое место принадлежало вину, которое использовалось в религиозных обрядах и общественных церемониях.

Такова в общих чертах «модель хорошо организованных и строго контролируемых взаимодействий» (с. 92) античного мира с племенами Центральной Европы в позднем гальштате. По нашему мнению, она является даже слишком хорошо организованной, напоминающей в каких-то деталях бюрократические системы типа восточных деспотий. Однако известные археологические данные укладываются в нее неплохо. Автор при этом благоразумно отводит от себя возможность обвинения в том, что все структурные элементы данной модели сформировались исключительно благодаря торговым контактам. Он считает, что социальная система с выделившейся племенной аристократией начала складываться в Западной Европе раньше, но контакты с античным миром ускорили ее окончательное становление и придали ей этот неповторимый облик.

Резкие изменения во всем механизме греко-варварских взаимоотношений в Центральной Европе происходит в начале V в. до н. э. К 475 г. до н. э. античный импорт перестал поступать в область Вюртемберга, исчезают погребения вождей, деградируют так называемые центры и т. д. Все это связывается автором монографии с упадком торговли Массилии с Центральной Европой. Античные центры открывают новые источники получения сельскохозяйственной продукции. С территорий современной Северной Италии, Югославии и Южной России, по мысли П. С. Веллса, греки теперь стали получать продукцию, которую раньше ввозили из Центральной Европы. Надо сказать, что современная научная литература о причерноморском регионе известна автору в недостаточной степени. Так, о греческих колониях Северного Причерноморья он судит почти исключительно на основании известной книги А. Вонсович¹. Но, разумеется, не в этом заключается самое уязвимое место его концепции.

Данный вывод П. С. Веллса представляется спорным по нескольким аспектам. Во-первых, перечисленные выше центры сельскохозяйственной продукции были открыты для Греции не в начале V в. до н. э., а гораздо раньше — в момент выведения сюда апойкий. Во-вторых, если, как считает автор, греческая торговля лишь стимулировала сложение этой жестко организованной, иерархичной системы в Центральной Европе, то странным представляется ее крах при устранении стимулирующего фактора. Логичнее было бы ожидать более или менее растянутого во времени затухания, деградации всей структуры. В-третьих, следует особо подчеркнуть, что этот стимулирующий фактор отнюдь не исчез. Античные импортные изделия продолжали поступать в Центральную Европу и в V в. до н. э., но концентрировались они в соседней с Вюртембергом более северной, т. е. еще более отдаленной от средиземноморского побережья области Саара. Следовательно, кризис торговли Массилии с Центральной Европой объясняет в сложившейся ситуации далеко не все. Совсем нельзя исключать каких-то местных корней происходивших перемен, которые, в свою очередь, могли негативно повлиять и на торговлю Массилии.

Своеобразие раннелатенского общества Саара по сравнению с позднегогальштатским обществом Вюртемберга фиксируется по всем обозначенным выше группам археологических источников. В полной мере здесь подтверждается тезис Т. Г. Е. Пауэлла о «реорганизации власти и богатства» в конце гальштатской эпохи². Прежде всего бросается в глаза отсутствие поселений типа центров. Правда, следует оговориться, что поселения этого времени изучены в Сааре чрезвычайно плохо, по существу ни одно из них систематически не раскапывалось. Отсутствуют и некрополи туземной аристократии вблизи поселений. Погребения знати рассеяны по территории Саара,

¹ Wąsowicz A. *Olbie pontique et son territoire*. Annales Littéraires de l'Université de Besançon. P., 1975.

² Powell T. G. E. *The Celts*. L., 1959, p. 56.

не образуя компактных групп. В плане богатства погребального инвентаря они сравнительно однородны, комплексы, сопоставимые с захоронениями типа Викс или Графенбюля, не известны. Античные импорты также не образуют компактных групп сосредоточения. Среди них явно преобладают этрусские бронзовые сосуды. Известны местные им подражания, но нет предметов, изготовленных на заказ специально для туземного потребителя. В наборе ввозимых вещей отсутствуют такие, которые бы не встречались в античных центрах. Исходя из приведенных данных, общество Саара трактуется как серия локальных общин со своими локальными вождями. Эти общины, как представляется, были приблизительно равны по уровню экономического развития, военным возможностям и т. д.

Различие в структуре общества предполагает и различие в системе взаимоотношений с античным миром. П. С. Веллс считает, что в раннем латене с Центральной Европой контакты поддерживали этрусские города Италии. Но эти центры в отличие от Массилии не нуждались в привозном хлебе и древесине и т. д. Но поскольку бронзовые этрусские сосуды казались кельтам престижными, они находили возможность получать их. Одна из таких возможностей — служба в наемниках. Автор справедливо предполагает,³ что многие раннелатенские погребения с бронзовыми сосудами в Центральной Европе принадлежат кельтским наемникам, служившим в Италии, или же членам их семей.

Другим путем получения бронзовых сосудов, по мысли автора книги, была практиковавшаяся туземцами система заработка. С целью приобретения столь желанных вещей западноевропейцы могли работать у этрусов в сельскохозяйственном или ремесленном производстве. Став обладателями престижных изделий, кельты возвращались на родину, где могли использовать свою новую собственность для продвижения вверх по социальной лестнице. Хорошей аналогией данной системе П. С. Веллс считает известный этнографам обычай, бытовавший во Вьетнаме: мужчины могли рассчитывать на богатую невесту лишь в том случае, если заработали в Таиланде очень престижные бронзовые изделия.

В данной части своих рассуждений автор явно изменяет принципам, проklamированным им в начале работы, а именно: строить модель на основании этнографических и исторических данных, предоставляющих типичные, часто повторяющиеся явления. Пример из далекого Вьетнама вряд ли можно рассматривать как такое типичное, повторяющееся явление, дающее возможность для генерализации. Добавим к тому же, что П. С. Веллс не осознает, во всяком случае нигде специально не оговаривает того, что этнографические параллели могут быть плодотворно использованы для объяснения археологических данных только при определенных условиях. Важным методическим требованием при этом является нахождение сравниваемых этносов или иных общностей на одинаковой или близкой ступени социально-экономического развития, по выражению А. И. Першица, их синполитейность³. Без соблюдения этого требования привлечение этнографических параллелей в археологическом исследовании вообще может быть дискредитировано.

С таким же успехом, как и аналогию из Вьетнама, автор книги мог бы привлечь систему заработка, отхожих промыслов и т. п., обычно складывающуюся при разложении натурального хозяйства, или для него еще более близкую систему привлечения дешевой иностранной рабочей силы в некоторых странах капиталистического Запада. Совсем не исключено, что при данных построениях П. С. Веллс неосознанно использовал именно эту последнюю модель, поменяв при этом лишь общее направление движения рабочей силы; в настоящее время она перемещается с юга на север, а в раннелатенской Европе — с севера на юг.

В заключение отметим с полной определенностью, что автору книги удалось наглядно показать своеобразие взаимодействия с античными центрами Средиземноморья различных по времени, территории, социальной организации и т. д. туземных обществ. Для каждого из территориально-временных срезов Центральной Европы построена четкая, специфичная, логичная модель контактов, прослежено их влияние на развитие местных племен. Вместе с тем следует признать, что база источников, на

³ Першиц А. И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций. — В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979, с. 29.

которой автор основывает свои реконструкции, чрезвычайно узка; в особенности ощущается недостаточность изученности поселений. Обращают на себя внимание некоторые модернизаторские тенденции в построениях П. С. Веллса, отсутствие четких правил в привлечении этнографических данных, приводящее к отходу от методических посылок, установленных самим исследователем.

Весьма существенно и то обстоятельство, что исследователь, скрупулезно изучив все имеющиеся данные по двум районам Центральной Европы и построив модель их контактов с античным миром, на этом по существу останавливается. Из поля его внимания совершенно выпадает возможность взаимосвязи и взаимообусловленности этих различных вариантов культурного взаимодействия. Как уже указывалось, ссылок на кризис торговли Массилии в начале V в. до н. э. для этого далеко недостаточно. Мы отнюдь не отрицаем значения торговли в античном мире и возможность ее перераспределения, но столь же недопустима и переоценка торгового фактора.

Понимая всю сложность проблем, связанных с переходом от эпохи гальштата к латену, и не претендуя по этой причине на бесспорность выводов, напомним один хорошо известный факт. «Верхнедунайская и восточнофранцузская области кельтов, еще в VI в. до н. э. находившиеся в расцвете и отмеченные многочисленными памятниками племенной знати, к середине V в. до н. э. опустели»⁴. Объясняется это начавшимися кельтскими переселениями.

Ситуация, сложившаяся в рассматриваемое время в Центральной Европе, в некоторой степени напоминает положение в Скифии V в. до н. э., каким оно представляется на основании последних исследований. Отсутствие богатых погребений местных вождей (типа Вика в Западной Европе или прикубанских царских курганов VI в. до н. э. в Северном Причерноморье), заметная распыленность погребальных комплексов, отсутствие их резкой стратифицированности, а вместе с тем активный экспансионизм, агрессивность туземных обществ — вот типичные черты новой эпохи на этих весьма отдаленных друг от друга территориях.

Можно предполагать, что в Центральной Европе в передвижения первыми включились племена, наиболее тесно связанные с античными центрами (Восточная Франция, Вюртемберг и т. д.). Отсюда происходит запустение этих областей, деградация поселений типа центров, исчезновение погребений племенной аристократии. Последнее обстоятельство вполне закономерно, ибо именно вожди были во главе великой кельтской экспансии⁵. В результате этого явно ломается сложившаяся система греко-варварских взаимоотношений, что в свою очередь должно было повлиять на торговлю Массилии, которая, как было показано, поддерживала тесные связи с племенами Центральной Европы. Может быть, именно здесь и следует искать истоки ее кризисных проявлений в данное время.

По всей видимости, более отдаленные от античных центров племена кельтов в начавшийся процесс передвижений вовлекались постепенно и не в столь активной форме. Этот процесс, как можно считать, сопровождался возвращением туземных воинов в родные места. Разумеется, ветеран походов и наемник возвращались домой не с пустыми руками. Трудно сказать, почему наиболее желанной военной добычей или платой за службу для кельтов были этрусские бронзовые сосуды. Однако в связи с этим обратим внимание на одно обстоятельство.

Считается, что кельтское проникновение в Италию началось приблизительно через сто лет после первых передвижений, в конце V — начале IV в. до н. э., а в 390 г. до н. э. кельты уже сожгли Рим⁶. В настоящее время имеются археологические данные, позволяющие пересмотреть эту точку зрения. Ряд погребений в некоторых некрополях Северной Италии, среди них некрополь Гаттара в Сан Марино⁷, дают основание для удешевления даты кельтского проникновения в данную область почти на сто

⁴ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 245; ср. Filip J. Die keltische Zivilisation und ihr Erbe. Prag, 1961, S. 46, 59.

⁵ Powell. Op. cit., p. 57.

⁶ Монгайт. Ук. соч., с. 246; Powell. Op. cit., p. 22; Filip. Op. cit., S. 60; Schlette F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig — Jena — Berlin, 1980, S. 35.

⁷ Bermond-Montanari G. Il problema dei Celti in Romagna in relazione agli scavi di S. Marino in Gattara. — In: The Celts in Central Europe. Székesfehérvár, 1975, p. 65—76.

летие (наличие оружия и прочего не свойственного для некрополей этрусков инвентаря, а также сходство погребального обряда с более поздними кельтскими формами). В общем их кельтская атрибуция, по крайней мере, весьма вероятна. Эти материалы хорошо известны П. С. Веллсу. На их основании он приходит к выводу, что «...кельтское присутствие на равнине По очень вероятно на протяжении большей части V в. до н. э.» (с. 134).

Совсем не исключено, что через посредство этих кельтов этрусские бронзы достигали отдаленного Саара. В научной литературе уже высказывалось суждение, что в Италию по большей части продвинулись кельтские племена из Восточной Франции и Южной Германии⁸. В таком случае они могли сохранить связи со своими бывшими соседями. В опустевшем Вюртемберге античные импортные изделия, по всей видимости, вообще не могли оседать в сравнительно больших количествах.

Разумеется, здесь мы опять сталкиваемся с проблемой археологической изученности данных районов. Сейчас вряд ли с полной уверенностью можно сказать, что в раннелатенское время Саар был заселен гуще, чем Вюртемберг. Материалы систематически исследованных поселений отсутствуют, а именно они имеют первостепенное значение для ответа на данный вопрос. По этой причине предложенное суждение о некоторых направлениях развития племен Центральной Европы в начале эпохи латена весьма гипотетично, в известном смысле априорно. Мы рискнули его предложить по причине явной недостаточности интерпретаций П. С. Веллса, стремясь выйти за рамки жестких, почти несвязанных друг с другом моделей, внести в археологическое исследование элемент историзма.

Ю. А. Виноградов

⁸ Filip. Op. cit., S. 60.

ДАРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВА В АФИНАХ В СВЕТЕ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

M. J. OSBORNE. V.I. *Naturalization in Athens*. 241 p. + 15 pl.; V.II. *Commentaries on the Decrees Granting Citizenship*. 198 p.; V.III — IV. *The Testimonia for the Grant of Citizenship. The Law and Practice of Naturalization in Athens from the Origins to the Roman Period*. 249 p. Verhandeligen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van Belgie (AWKSK). Klasse der Letteren, J. 43. 1981, № 98. Brussel, 1981; J. 44. 1982, № 101. Brussel, 1982; J. 45. 1983, № 109. Brussel, 1983.

С 1970 г. в научных журналах стали появляться статьи бельгийского ученого Осборна, посвященные отдельным афинским декретам о даровании гражданства¹. Наряду с конкретными исследованиями каждого случая, эпиграфическими и историческими комментариями автор обращает большое внимание на формулировки декретов и пытается на основании этого наметить эволюцию в практике дарования прав. Особое значение Осборн придает переходу от формулы εἶναι αὐτὸν Ἀθηναῖον к δεδωσθαι αὐτῷ πολιτείαν и датирует эту перемену 229 г. до н. э., усматривая здесь кардинальное изменение в отношении афинян к даруемым правам, в составе получателей и значении для них этого дара. Одной из своих статей Осборн дал эффектное название: «The Last Athenian»².

¹ См., например, Osborne M. J. Honours for Sthorys. — ABSA, 1970, 65, p. 151—174; idem. Attic Citizenship Decrees. — ABSA, 1972, 67, p. 129—158; idem. Three Athenian Citizenship Decrees. — ZPE, 1972, 9, 2, p. 183—185; idem. Two Athenian Decrees. — ZPE, 1973, 10, 3, p. 271—274; idem. An Athenian Decree of the early 220-s B. C. — AS, 1976, 7, p. 107—125; idem. Athenian Grants of Citizenship after 229 B. C. again. — AS, 1978, 8, p. 75—81 и др.

² AS, 1974, 5, p. 83—104. Речь идет о последнем известном случае формулы εἶναι αὐτὸν Ἀθηναῖον, примененной к Витису из Лисимахии. Осборн датирует декрет